

Совет Безопасности

Distr.
GENERAL

S/2000/73
31 January 2000
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

ПИСЬМО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ УГАНДЫ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ ОТ 26 ЯНВАРЯ 2000 ГОДА НА ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
БЕЗОПАСНОСТИ

По поручению моего правительства имею честь препроводить Вам документ по вопросу о конфликтах в районе Великих озер, подготовленный президентом Республики Уганды Йовери Кагутой Мусевени (см. приложение).

С учетом важности ведущегося в этом месяце в Совете Безопасности обсуждения, посвященного африканским проблемам, этот документ обеспечивает необходимую справочную информацию, способную помочь в анализе некоторых коренных причин конфликтов в этом районе. Мое правительство просит распространить этот документ в качестве документа Совета Безопасности.

СЕМАКУЛА КИВАНУКА
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Постоянный представитель Уганды при
Организации Объединенных Наций

Приложение

КОНФЛИКТЫ В РАЙОНЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР

Автор: Йовери Кагута Мусевени, Президент Республики Уганды
(24 января 2000 года)

К числу важнейших особенностей кризиса в районе Великих озер относятся:

- i) геноцид в Руанде, Бурунди и Восточном Конго;
- ii) массовые убийства в Уганде (800 000 человек стали жертвами внесудебных казней в период нахождения у власти Амина и Оботе);
- iii) терроризм, осуществляемый при поддержке так называемого исламского режима Судана и при некотором участии Афганистана и определенных сил в Пакистане;
- iv) отсутствие демократической власти на протяжении очень долгих периодов времени и отсутствие надлежащих государственных структур, необходимых для обеспечения демократии.

Общий фон

Вышеуказанные проявления проблем, с которыми столкнулся район Великих озер, следует рассматривать на общем фоне социально-экономических и политических неурядиц, охвативших африканские страны, расположенные к югу от Сахары, в заключительный период эпохи колониализма. Наверное, мне следует и начать с этих социально-экономических и политических неурядиц, которыми характеризовалась ситуация в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, на завершающем этапе колониальной эры. Хотя я уже описал социально-экономическую структуру угандийского общества (в качестве примера), существовавшую на заре колониализма, в 1860 году, в другой работе, я готов повторить это описание для целей нынешнего обсуждения. Во многих из племен, живших в Уганде и на соседних территориях Восточного Конго, Руанды, Бурунди и Северо-Западной Танзании, сложилось к тому времени трехклассовое общество, включавшее: класс феодалов; класс ремесленников (кузнецы, плотники, гончары, кожевники и т.д.) и крестьяне (земледельцы и скотоводы). Таким образом, африканское общество в нашем районе находилось всего лишь в одном шаге от того, чтобы, осуществив эндогенный процесс, вступить в индустриальную фазу социального развития. Если бы не внешнее вмешательство сил колониализма, класс ремесленников трансформировался бы в средний и рабочий классы. Однако с наступлением эпохи колониализма в нашем районе произошел широкомасштабный социальный регресс. Класс феодалов был ликвидирован, поскольку он конкурировал в борьбе за политическую власть с колониалистскими силами, а класс ремесленников был существенно ослаблен массовым, навязанным импортом потребительских товаров и средств производства из Европы (мотыги, ножи, керамические изделия, текстиль, кожаные товары и т.д.). Можно с твердой уверенностью сказать, что в Уганде общество превратилось с того момента в одноклассовое: остались лишь крестьяне. В рамках колониальной системы была создана тонкая прослойка служившего колонизаторам вспомогательного персонала, включавшего в себя мелких чиновников, конторских служащих, учителей начальных школ, сержантский и рядовой состав колониальных армий, переводчиков и т.д., набравшихся из числа местных жителей. Они, однако, не участвовали в производстве материальных ценностей и не оказывали реального воздействия на остальную часть общества, если, я это отмечу позже, не говорить о постколониальном периоде.

Таким образом, это явление социального регресса означало, что в то время как в европейском обществе происходил переход от феодального способа производства к индустриально-буржуазному, Африка скатывалась с феодального уровня на дофеодальный. Там не сформировался класс буржуазии, который является космополитичным по своему мировоззрению в силу используемого им способа производства, и это отразилось как на политике, так и на экономике. Крестьянство, которое стало основным элементом общества, является по своей природе, в отличие от среднего класса, классом, преследующим узкие, ограниченные интересы. Тому, кто занимается лишь разведением коз, не требуется, чтобы вся Уганда занималась тем же. Поэтому его волнуют главным образом окружающие его холмы и долины, в которых есть источники воды, необходимые ему, чтобы кормить и поить своих коз. Да, осуществлялось полупромышленное производство некоторых товарных культур (кофе, какао и хлопок). Однако это производство не имело внутренних связей с национальной экономикой и обществом. Товарные культуры, производившиеся крестьянами, служили сырьем для европейской экономики. Отсутствие этих внутренних экономических связей не способствовало росту национального самосознания, а национальное самосознание, сформировавшееся благодаря феодальным классам, ослабевало. Там, где имелись природные ископаемые, их разработка тоже не обеспечивала их связи с национальной экономикой, если не считать занятость рабочей силы. Преобладание местнической идеологии в сочетании с доминирующей ролью крестьянства в обществе и усугублявшие это положение колониальные методы управления по принципу "разделяй и властвуй", использовавшиеся в целях предотвращения любых возможных антиколониальных восстаний, составляют имеющий важное значение фон, на котором следует рассматривать все проблемы района Великих озер.

Охватившее весь мир антиколониальное движение (Индия, Китай, Индокитай, Кения и т.д.) и произошедшие в прошлом (двадцатом) столетии две империалистические войны привели к тому, что колониальным державам невозможно стало и далее держать в порабощении колониальные народы. Те колонизаторы, которые были дальновидными, предоставили "независимость" бывшим колониям. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, выступая в Кейптауне в 1960 году, говорил о неудержимом "ветре перемен", дующем по всей Африке. И кто же в итоге получил эту "независимость"? Ее получила, прежде всего, бывшая колониальная обслуга (школьные учителя, конторские служащие, сержанты колониальных армий и т.д.). Таким образом, "независимость" означала сохранение колониального государства, которое продолжило существование в обезглавленном состоянии: его европейские мозги были удалены, а тело, состоявшее из мелких африканских колониальных чиновников, многие из которых не были готовы играть новую роль, осталось. Именно таким образом сержант четвертого полка Королевских африканских стрелков (КАС) (часть британской колониальной армии) Иди Амин стал "фельдмаршалом" Амином. Это чудовище, от рук которого погибли 500 000 угандийцев. Ему помог Оботе, виновный в гибели еще 300 000 угандийцев. Когда-то Оботе в течение непродолжительного времени был профсоюзным деятелем, а позднее стал членом колониального "парламента", который был поспешно создан примерно в 1958 году (всего лишь за четыре года до предоставления "независимости").

Получилась неудачная смесь. Общество, которое было низведено до уровня дофеодальной эпохи, возглавили подручные колониальных властей, которые были поспешно возведены в ранг борцов за свободу, государственных деятелей или фельдмаршалов. Общество было крайне патриархальным, а ставшие во главе лица были полностью оторваны от его корней, вследствие чего они не смогли диагностировать болезнь этого общества. Эти два явления составляют фон, важный для понимания той травмы, которая была нанесена этому району. Можно было бы вместо "фельдмаршала" Иди Амина и упомянуть "фельдмаршала" Мобуту Сесе Секо, Бокассу, Мичомbero и т.д.

К этой общей ситуации добавьте теперь неудовлетворительную деятельность бельгийских колониальных властей по управлению Руандой и Бурунди. Я в последнее время имел встречи с очень приятными бельгийцами. Колониальная политика Бельгии была, однако, очень опасным дополнением неблагоприятной обстановки, которую я только что описал. Хотя все колониальные державы использовали тактику "разделяй и властвуй", бельгийские должностные лица, отвечавшие за управление Руандой, пошли еще дальше, сделав дополнительный опасный шаг: они начали подстрекать одну часть руандийского общества к попытке уничтожить другую часть, и оказали ей помощь в этом. Это произошло в 1959 году. Я постоянно слышу разговоры сторонних наблюдателей по поводу "этнических" конфликтов в Руанде и Бурунди. Я хотел бы задать один вопрос: "Разве эти "этнические" группы в Руанде и Бурунди возникли лишь после начала эпохи бельгийской колонизации?". Ответ очевиден: "Нет". Почему же мы тогда ничего не слышали о предыдущих "этнических" конфликтах в этих странах? Почему мы ничего не слышали о геноциде в доколониальную эпоху?

Я не хочу останавливаться на ситуации в Руанде и Бурунди, поскольку есть люди, которые более компетентны говорить об этих странах. Я могу, однако, со знанием дела говорить об Уганде. Почти на всей территории Западной Уганды существовали аналогичные социальные структуры, подобные тем, которые существовали в Руанде, Бурунди и в некоторых частях Восточного Конго и Северо-Западной Танзании.

Поскольку речь идет о крайне сложной ситуации, я позволю себе включить в настоящий документ мое предыдущее выступление по этому вопросу. Несколько месяцев тому назад я выступал в Аруше с речью, посвященной Бурунди, и хотел бы воспроизвести ее здесь, поскольку очень важно, чтобы международное сообщество получило четкое представление о нашем очень сложном районе, в котором незваные пришельцы учинили полный беспорядок. Содержание этой речи было примерно следующим:

Доколониальные конфликты

В начале XVI века нашей эры конфликты в Центральной Африке носили главным образом характер племенных набегов в целях захвата скота и женщин, а не завоевательных войн. Предпринимались отдельные попытки создания империй в районе Великих озер (королевства Баквези-Батембузи-Бабито). Однако такие политические образования были недолговечными вследствие слабой мобильности центральных властей - не хватало лошадей, которые во множестве гибли от укусов мухи цеце, - и малочисленности населения, объяснявшейся широким распространением в тропиках различных болезней. Малочисленность населения означала отсутствие всякого давления на природные ресурсы. Наша ситуация, до недавних времен, характеризовалась наличием богатых природных ресурсов и малочисленностью населения. Поэтому одному племени не было необходимости завоевывать другое племя и подчинять его себе. У племен не было ни оснований, ни способности предпринимать длительные экспансионистские усилия в целях создания крупных наднациональных государственных образований, подобных, например, российской или китайской империям. Несмотря на то, что племена были однородными в культурном отношении, управление ими не осуществлялось в рамках объединенных королевств.

При малочисленном населении и слабой мобильности способность к сохранению крупных политических образований была весьма низкой. Поэтому многие конфликты представляли собой набеги в целях захвата скота, женщин и даже рабов (абахууку) и слуг (абазаана). Вторжение Нtare V из Анколы в Руанду примерно в 1894 году и осуществленное в том же году ответное вторжение Кигери IV, Рвабугири, из Руанды в Анколе входят в эту категорию. Вторжение Бачвы, сына Мутамбуки, в Макару (Конго) в 1860 году также входит в эту категорию. В ходе этого вторжения, например, была захвачена в плен в качестве служанки (амузаана) девушка по

имени Кибуга. Поскольку она была очень красивой, ее впоследствии взял в жены Мутамбука, король Анколе. У них родился сын, Нтаре V, Ругингиза, который стал королем Анколе и занимал престол до своей смерти в 1895 году.

В некоторых районах Центральной Африки имели также место войны за престол. В этой связи я опять могу упомянуть войны между Нтаре и его сводными братьями Муквендой и Мухикирой, а также войну между Кабалегой и Кабигумиере из Буньоро, которая велась в 1871 году. Сейчас я хотел бы привести показательный пример Буганды, где войны за престол были запрещены после произошедшей в 1771 году войны между Джунджу и Семакокиро. Вожди клана Баганды, которых насчитывалось 52, постановили, что отныне воспитанием наследных принцев будет заниматься не кабака (король) и не их матери. Эта обязанность была возложена на специально назначенное должностное лицо - касуджу из клана Нгейе. Он был мукузой (опекуном) всех наследных принцев. В целях обеспечения того, чтобы ни один из наследных принцев не оказался в центре какой-то группировки, все наследные принцы находились под надзором касуджу в амфитеатре (олунния) в Катереке, Мпиги. Там они получали все, что им было необходимо. Однако платой за это была изоляция принцев от общества, включая их матерей. Они общались только с касуджу, своими женами и слугами.

Кабака, умирая, не назначал наследника. Он покидал этот бренный мир, не заботясь об этом. Затем собирался совет вождей клана, которые просили касуджу "представить им его детей", то есть принцев (окванджула абаана бе). Касуджу давал характеристики наследным принцам: этот - "добрый", этот - "жестокий" (мукамбве), этот - "ленивый" (мунафу) и т.д. После этого совет принимал решение путем голосования. На следующий день собирали народ, и на этой церемонии нового короля объявляло другое должностное лицо - мугема из клана Нкима. Мугема, однако, должен был ссылаться на власть Бога (Лубаале), с тем чтобы народ принял короля, назначенного советом вождей. Необходимо было, чтобы народ считал, что король назначен Лубаале (Богом), а не просто советом вождей, несмотря на все уважение этому совету.

Во время церемонии всех принцев выстраивали в ряд, чтобы все могли их видеть. Затем мугема начинал ходить вдоль этого ряда, ожидая, когда Лубаале (Бог) укажет ему, какой из принцев достоин стать королем. По истечении некоторого времени Лубаале "указывал" мугеме на того принца, кандидатура которого была согласована советом вождей накануне. Во время таких церемоний выбора короля под "руководством" Лубаале случались свои драмы и свои трагедии. Как гласит предание, когда кабака Сууна умер в 1854 году, совет вождей клана, как предписывает традиция, уединился, чтобы выбрать нового короля. Они остановили свой выбор на одном из кандидатов. После этого некоторые вожди покинули место проведения этой встречи. А оставшиеся пересмотрели свое прежнее решение и вместо предыдущего кандидата выбрали Мукаабию, Мутесу I. Видимо, они составляли большинство.

Таким образом, когда мугема, "руководимый" Лубаале, указал на более позднего кандидата - Мутесу I, те, кто накануне покинул место проведения совета вождей, во всеуслышание заявили о том, что королем должен быть другой принц, а не Мутеса. Мугема проигнорировал эти протесты и продолжил церемонию возведения на престол; а Мутеса запомнил тех вождей, которые выступили с протестом. После занятия престола он принял меры к тому, чтобы все они были убиты; отсюда его имя Мукаабия ("тот, от которого люди плачут").

Таким образом, как мы видим, в районе Великих озер есть примеры как жестоких войн за престол, которые велись в Анколе, Буньоро и Руанде до начала XIX века, так и полностью упорядоченного механизма престолонаследия, как в случае с Бугандой. Поэтому нам важно отметить, что баганда успешно исключили войны за престол из своей системы после произошедшей в 1771 году войны между Семакокиро и Джунджу. Войны за престол были вновь

введены в практику в конце 80-х годов XIX века британцами, которые разрушили существовавший механизм престолонаследия, стремясь заполучить монархов, лояльно относящихся к ним, поскольку у многих наследных принцев вызывала отвращение мысль о том, чтобы стать королем-предателем, послушным иностранным кругам.

Другим источником конфликтов было перемещение населения. Где-то в начале XVI века и в последующий период имели место конфликты, связанные с тем, что племена луо начали переселяться из Южного Судана в Уганду, Кению и Танзанию. Однако эти конфликты постепенно сошли на нет, а новоприбывшие либо ассимилировались, либо наладили с местным населением добрососедские отношения.

Контакты с внешним миром

Конфликты с наиболее разрушительными последствиями были вызваны работорговлей. Под дулами европейских пушек, прикрывавших действия по захвату рабов, сформировались целые работорговые империи и сферы влияния. Примерами могут служить империя Лунда-Луба и действия Типу-Типу в Катанге. Если исходить из числа человеческих жертв, то эти конфликты были самыми кровопролитными. По оценкам Рене Дюмона, приводимым в его работе "False Start in Africa" ("Неудачное начало в Африке"), до 50 миллионов африканцев погибли в цепях рабства.

Таким образом, из всех доколониальных конфликтов в Африке наиболее разрушительные последствия имели войны за захват рабов. Другие конфликты представляли собой спорадические и кратковременные стычки. Даже если взять войны, которые вели шака и нгони, то, как представляется, толчком для них послужило прибытие белых людей в Капскую область. Племена зулу, которые до тех пор не имели централизованной организации, осознали необходимость осуществления централизации для того, чтобы противостоять белым пришельцам, которые в 1652 году приступили к колонизации Капской области. Как хорошо известно, началась активная миграция и вспыхнул конфликт, вызванный усилиями, направленными на то, чтобы создать централизованное государство путем объединения независимых родственных племен, живших в южной части Африки и говоривших на языках хауса и зулу.

Поэтому я хотел бы вновь повторить, что африканские конфликты в доколониальный период были не очень острыми и непродолжительными. Большинство из них, судя по имеющимся данным, не были сопряжены с большими человеческими жертвами. Главная цель состояла в том, чтобы захватить скот и женщин. Женщин не убивали, на них женились. Что касается мужчин, то, как представляется, убивали попавших в плен вождей, а не простых людей. По приказу Мутамбуки был убит король Карагве и, возможно, Ндагара. Однако большого числа убитых среди баньямбо не было. Мутамбука виновен также в убийстве Ишансы из Куки, однако среди простых бакуки не было большого числа жертв. Таким образом, эти чисто африканские доколониальные конфликты представляли собой стремительные набеги, карательные операции или войны за престол, порождаемые либо экономическими (набеги для захвата скота), либо политическими (войны за престол) причинами.

А что же характерно для африканских конфликтов колониальной эпохи? Мы уже касались таких конфликтов, имевших место до Берлинской конференции 1884-1885 годов, говоря о двух типах войн, которые разжигали между африканцами империалисты: войны, связанные с работорговлей, и войны с участием нгони, толчком к которым, как я считаю, послужило прибытие колонизаторов в Капскую область, на что я уже указывал выше. Кроме того, в период после Берлинской конференции велись антиколониальные войны. За почти четырехсотлетний период (с 1498 по 1880 год) европейские захватчики постепенно ослабили независимость Африки,

используя в этих целях свои прибрежные базы торговли, в частности работорговли: Занзибар, Софалу, Момбасу, Луанду, Лагос, Котону, остров Горé и другие. В 1498 году, когда Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды, у европейцев не было сил, чтобы захватить континент: не было паровых двигателей; не было орудий, заряжающихся с казенной части, а было лишь оружие, заряжающееся с дула; не было автоматических винтовок; не было хинина и т.д. Поэтому они оставались в прибрежной зоне и использовали войны между африканцами, чтобы получить то, что им было необходимо: рабов, слоновую кость, золото и т.д.

К 1880 году благодаря техническим новшествам они преодолели эти трудности. В то время как захватчики занимались преодолением своих трудностей, африканцы из-за алчности африканских вождей были втянуты в братоубийственные конфликты, разжигавшиеся иностранными работорговцами. В качестве примера можно привести уничтожение королевства Баконго. Возникшие на его месте королевства были принуждены заниматься работорговлей, вместо того, чтобы бороться с ней. Но несмотря на усовершенствованные технические средства, имевшиеся в распоряжении белых пришельцев, и близорукость и алчность африканских вождей, многие африканские народы: хехе, календжин, баньоро, шона, ндебеле, сомалийцы, гереро, зулу, ашанти и другие - оказали сопротивление захватчикам. Поскольку Африканский континент был в политическом отношении расколот, это сопротивление носило очаговый характер, и очаги сопротивления были подавлены один за одним. Тем не менее Эфиопия в 1896 году одержала полную победу над Италией.

Национально-освободительные войны

Еще одну категорию конфликтов составляют национально-освободительные войны. Хотя процесс деколонизации в Африке во многом носил мирный характер, поскольку многие колониальные державы, учтя должным образом антиколониальные войны, имевшие место в Китае, Вьетнаме, Индонезии, и массовые национально-освободительные движения в Индии, Кении и Алжире, предоставили независимость своим колониальным владениям, некоторые из них проявили большую глупость, проигнорировав этот "ветер перемен". Среди этих немногочисленных примеров португальцы, режим поселенцев в Родезии (Зимбабве) и белые расисты в Южной Африке и Намибии. Эти войны носили законный и очистительный характер. Солидарность с борющимися продемонстрировала вся прогрессивная Африка и страны социалистического лагеря. В результате этих войн стали независимыми Мозамбик, Ангола, Гвинея-Бисау, Зимбабве и Намибия, а в Южной Африке был установлен правящий режим большинства. Они были достойны похвалы, носили принципиальный характер и были необходимостью; они подняли Африку на более высокий уровень свободы.

Махинации колонизаторов

Вновь обращаясь к колониальному периоду истории Африки, мы должны отметить, что, захватив континент, европейцы вынуждены были использовать различные махинации, руководствуясь принципом "разделяй и властвуй" для сохранения своего господства. В Уганде они натравливали народ баганда на других угандийцев; католиков на протестантов; христиан на мусульман; нилотов на банту и т.д. В Руанде и Бурунди они всячески разжигали конфликт между хуту и тутси, в Анголе спровоцировали недоверие в отношениях между мбунду и овимбунду, в Мозамбике спровоцировали недоверие в отношениях между макуа и другими племенами, попытались изолировать маконде и т.д.

Эта вражда переросла в открытые конфликты во многих районах: Биафра против Нигерии; Ангола; насилие в Квазулу; насилие в зоне проживания матебеле; войны за престол, религиозные войны и в последнее время, в постколониальную эпоху, гражданские войны в Уганде; конфликт в

Анголе; конфликты и геноцид в Руанде; конфликты и геноцид в Бурунди и т.д. Эта вражда, конфликты и геноцид на руку прежде всего колониалистским кругам. Методы, используемые в этих конфликтах, абсолютно чужды африканским традициям, существовавшим в обозримом прошлом. Как я уже говорил вам ранее, геноцид является абсолютно неафриканским явлением. Однако мы стали свидетелями нескольких проявлений этой безобразно-чудовищной практики. Была разработана абсолютно обскурантистская идеология для, например, района Великих озер. Из-за этого обскурантизма некоторые высокоинтегрированные, уникальные и цивилизованные общества в районе Великих озер стали теперь живым олицетворением несчастья и дезинтеграции. Мы стали сейчас свидетелями чудовищного кровопролития в Руанде и Бурунди, объясняемого "этническими" различиями. Каковы же эти этнические группы и как они отличаются друг от друга?

Социальная структура в районе Великих озер
(на примере Анголе)

Позвольте мне вместо Руанды и Бурунди рассказать об Анголе (Западная Руанда), где существовала аналогичная социальная структура. То, что обычно называют "этническими" группами, на самом деле больше напоминает гильдии, в которых люди объединены по профессиональному признаку: земледельцы, скотоводы и правители - в случае с Анголе; а в случае с Руандой-Бурунди к ним следует добавить четвертую группу, которую составляют охотники и сборщики даров природы - батва (пигмееподобные). В Анголе были следующие группы: бахима (скотоводы), байру (земледельцы) и бахинда (правители). Если мухима лишился скота, он становился мураси, а затем мог стать мвиру; если мвиру приобретал скот, он становился мвамбари, а затем мог стать мухимой. Таким образом, структура общества была циклической и основывалась на принципе профессиональной принадлежности и вытекающей из этого идеологии. Такое положение существовало на уровне людей незнатного происхождения. Разумеется, лица незнатного происхождения могли стать частью правящей касты. Так, например, Нджунаки, мать Рухинды, основателя династии бахинда, была рабыней (музаана), вероятно захваченной в плен при набеге на соседние племена. Поскольку у баньянкоре происхождение определяется по мужской линии, все ее дети стали членами касты бахинда. Однако ни один представитель двух других каст никогда не мог стать мухиндой. Бахинда составляли правящую касту и держали в своих руках всю политическую власть. Бахинда назначали военачальников из числа бахима и байру с учетом индивидуальных способностей. Высшая власть, однако, находилась в руках бахинда. Тем не менее не следует забывать о том, что бахинда - это молодая династия, возникшая всего лишь 36 поколений тому назад, где-то около 1500 года. А само общество существует намного дольше. Каковы же были тогда типичные отношения в этом обществе? Что было характерно для них: паразитизм или симбиоз?

Чтобы ответить на вопрос о том, какую форму - симбиоз или паразитизм - носили отношения в обществе баньянкоре, помимо исторических сведений, имеющихся в нашем распоряжении, мы должны проанализировать язык и проникнуть в суть слов, обозначающих процесс обмена товарами и услугами между отдельными группами и внутри них. Обмен товарами между скотоводами и земледельцами назывался окучурика (бартерная торговля). Это слово конкретно означало обмен продуктами питания (особенно просом и бананами, поскольку скотоводы почти ничего другого не ели) и парфюмерными товарами (эбибайя, орведжу и другие). Если дело касалось других товаров, например гончарных изделий (энгийемеко, рукоме, эниабийя, эбичуба и т.д.), горшков для молока (эбиянзи, энконгооро), деревянных ведер для воды (амачуба), деревянных чашек (энтатика), изделий из железа (амачуму, эмихоро, эмпанго, рураара, орумвайсо, энберере и другие) или из меди (эмиринга), использовалось другое слово - окуоунзия (торговля вразнос). Результатом окубунизии была окугура (покупка). Если дело касалось пива, будь то бананового пива (амаарва или рваагва) или пива из проса/сорго (омуламба), то для обозначения вида обмена использовалось слово окушенгиереа. Если пиво не продавали, а

бесплатно наливали на какой-то встрече, то это называлось окутерека. Если же пиво или другие продукты посылали в виде подарка, это называлось окузиндука. Если в качестве подарка посылали мясо, то это называлось окуцира. Все эти и другие слова обозначали вид обмена или подарка в контексте отношений между равными людьми в рамках отдельных групп или между группами. Все эти слова убедительно доказывают, что между простыми бахима и простыми байру (т.е. между теми, кто не был возведен правителями в ранг военачальников) отношения, без всякого сомнения, носили характер симбиоза. Хотя отношения, возникавшие при обмене товарами и услугами, основывались на полном симбиозе и равенстве, временами отношение этих двух групп друг к другу могло ухудшаться. Это, однако, не сказывалось на равенстве обеих групп в плане обменов.

Наш богатый язык, не оставляя ни тени сомнения, содержит совершенно разные слова, обозначающие процессы обменов между людьми незнатного происхождения (бахима/байру) и правителями (бахинда/башамба или люди незнатного происхождения, возведенные в ранг военачальников). Категории правителей были четко определены в нашем языке: омугабе (король), энганзи (премьер-министр), омукуру вомутве (полковой/командир), омвингинья/омурангира (принц), омвигарири (королева), рубуга (родная сестра и соправительница), омумбайджа (любая другая сестра короля), ньямашоре (королева-мать) и т.д. Слова, обозначавшие обмен между простыми людьми и представителями любой из этих категорий, разительно отличались от слов, применявшихся для обозначения типа обмена между простыми людьми. В этом контексте можно услышать слово окутойджа (выплата дани). Сама дань обозначалась словом эмитойджо. Очевидно, что в данном случае нет и речи об обмене. Взаимность могла существовать, а могло ее и не быть. Если получатель отвечал взаимностью, это называлось окугаба (дар). Король мог конфисковать (окунияга) имущество простолюдина потому, что он не был доволен им. Он мог также осуществить частичную конфискацию (куногора) скота простолюдина. Он мог также оштрафовать (кутангиса) его и т.д. Отношения между подданными и правителями явно носили форму паразитизма или, по крайней мере, гегемонизма.

Таким образом, любые прогрессивные силы, выступающие за реформы, с удовлетворением отметили бы отношения, носящие форму симбиоза, и сконцентрировали бы внимание на ликвидации паразитических отношений: окуньяга, окуногора и окутойджа. Однако все вы слышите только о том, что в районе Великих озер имеют место конфликты между скотоводами и земледельцами: байру-бахима, бахуту-батутси и т.д. В тех случаях, где эти конфликты действительно имеют место, речь идет не о борьбе за социальную справедливость; сказываются последствия махинаций, осуществлявшихся в колониальный период, и идеологического банкротства местной политической элиты. Если взглянуть в прошлое, то можно увидеть, что любая прогрессивная поляризация социальных интересов в тех ситуациях, где сохранялись паразитические отношения, приводила к тому, что простые бахима и простые байру объединяли усилия в общей борьбе с паразитизмом бахинда/башамбо и лиц незнатного происхождения, назначенных на государственные должности (энганзи, военачальники и т.д.).

Все это, однако, имело место до начала эпохи колониализма. С началом процесса колонизации возникли абсолютно новые отношения. В Анколе Великобритании в 1905 году ввела в действие законы нвума (неприкосновенность имущественных прав), чтобы наказать вождей Анколе за убийство Голта, британского наместника в Западной провинции. В Руанде система обухакие (зависимости) была отменена незадолго до окончания колониального периода мвами Рудахигвой. В Бурунди была также ликвидирована система бухакийе. Начала формироваться экономика, основанная на денежных отношениях, а продажа и покупка стали главными формами товарного обмена. Люди стали получать денежную плату за свою работу. Но главная проблема по-прежнему состояла в низком уровне развития экономики в целом. В частности, ограниченными были возможности в плане трудоустройства.

Однако колонизаторы создали новый дисбаланс, связанный с кадровым комплектованием колониальной администрации на низовых уровнях. Основываясь на ложной аргументации в отношении генетических и культурных факторов, они набирали в систему колониальной администрации представителей (весьма немногочисленных) какой-то одной группы. Так, например, они говорили, что тутси в Руанде или баганда в Уганде являются "от природы толковыми" и, следовательно, будут хорошими управленцами. Они заявляли также, что ачоли, куриа, камба или бангала являются "от природы храбрыми", поэтому представители этих народностей преобладали в армии или полиции. Разумеется, их число было очень невелико. К 50-м годам XX века население Анколе насчитывало 5 миллионов человек, а число различных чиновников руководящего и низового уровней составляло всего 275 человек. Даже если предположить, что все из них были представителями какой-то одной "этнической" группы, как могли эти люди добиться явных преимуществ для своей "этнической" группы? Оклад руководителей низового уровня составлял около 80 шиллингов (примерно 10 долл. США на тот момент). Реакционные политики устроили громкий шум по поводу обеспечения "баланса", однако на самом деле они пытаются уравнивать ничтожно малые величины. Разумеется, после достижения независимости число государственных служащих возросло. Однако и сегодня государственная служба Уганды (армия, гражданская служба, преподаватели и т.д.) насчитывает лишь 300 000 человек. Такие ничтожно малые показатели все равно не помогли Уганде, численность населения которой составляет сейчас 20 миллионов человек, решить проблемы занятости.

К настоящему моменту Уганда вот уже более 36 лет является независимой. В течение 22 лет из этого периода нашей страной руководили представители Северной Уганды, которые принимали меры к тому, чтобы армия, полиция, разведывательные службы и другие структуры комплектовались за счет жителей этой части страны. Недавно я обратился к видным общественным деятелям из этой части страны с просьбой продемонстрировать мне "результаты развития", достигнутые благодаря "преобладанию" в этих структурах представителей Севера. Результаты оказались нулевыми. А если где-то и были обнаружены признаки развития, то это развитие было обеспечено благодаря частным инвестициям местных жителей, многие из которых никогда не работали в государственных структурах.

Ключевые вопросы урегулирования конфликта

Поэтому, когда мы говорим об урегулировании конфликта, мы должны учитывать четыре вопроса:

- a) идеология в противовес мракобесию и преступному оппортунизму;
- b) стратегические цели наших стран в плане развития;
- c) расширение прав народа с целью его охвата; и
- d) механизмы урегулирования конфликтов там, где они возникают.

Во-первых, мы должны отвергнуть сектантскую идеологию реакционеров, которая, как мы уже видели выше, основана на псевдоистории и иностранных махинациях. Мы должны работать только с людьми, которые верят в Бурунди, в Руанду, в Уганду и в Африку, а не с теми, кто верит в сектантство. Таких людей нужно изолировать и подавлять. Сектантство - это не что иное, как преступный оппортунизм, алчущий дешевой популярности и использующий опасные методы.

Во-вторых, реакционеров подавить будет легче, если мы будем четко сознавать долгосрочные (стратегические) цели наших стран. Останутся ли наши страны отсталым, доиндустриальным обществом, в основе которого лежит примитивное сельское хозяйство, экспорт отдельных сырьевых материалов и преимущественная ориентация на импорт? При таком слабом развитии у нас будет масса возможностей бороться за "балансирование" рабочих мест в бюрократическом аппарате: даже это будет позволять трудоустроить некоторое количество людей. Если же, с другой стороны, мы не согласны с этим, то нам нужно пойти по тому пути, который спас народы Европы от застоя и лишений. К 1810 году население Соединенного Королевства насчитывало всего 10 миллионов человек. Один человек по имени Альфред Мальтус был настолько встревожен этим, что, скорбя по поводу исчезновения чумы и других эпидемий, которые в предыдущие тысячелетия поддерживали численность населения на низком уровне, он предостерег, что, если люди не причастны к воздержанию, прирост населения, численность которого возрастает в "геометрической прогрессии", будет опережать производство продуктов питания, которое увеличивается лишь "в арифметической прогрессии". Численность населения Соединенного Королевства сейчас составляет не 10, а 56 миллионов человек, и оно живет богаче, чем когда-либо прежде. Чем объясняется такая разница?

Индустриализацией. Вот - путь вперед для наших стран. Территория Голландии составляет лишь 41 000 квадратных километров, но население этой страны насчитывает 16 миллионов человек, причем многие живут в богатстве. Руанда и Бурунди, по сути дела, больше, чем Голландия, по площади на 10 000 квадратных километров, а численность их населения - меньше. Однако многие из этих людей живут в нищете. Индустриализация обеспечит работу для значительной части наших трудовых ресурсов, при условии, что мы приведем им необходимые навыки.

В-третьих, для недопущения конфликтов мы должны добиваться того, чтобы людям был гарантирован суверенитет в их соответствующих странах и чтобы они вовлекались в политический процесс. Хотя я сказал, что занятость в государственном секторе не имеет большого значения, вовлечение в политический процесс крайне важно. Каждая большая группа должна чувствовать, что она представлена в правительстве. Вовлечение в политический процесс означает признание прав человека. Людям нужна не только пища. "Ни хлебом единым сыт человек", - сказал Иисус. Человеку нужна духовность, нужно достоинство. Более того, участие в политическом процессе позволяет оказывать влияние на решения по вопросам стратегий развития. Поэтому во всей Африке должны использоваться справедливые, транспарентные и демократические методы. Хотя в Уганде в 1962 году состоялись выборы, они были в целом сфальсифицированы, несмотря на присутствие англичан. Устраивались предвыборные махинации; вместо использования одной урны и одного бюллетеня для голосования каждая политическая партия имела свою собственную избирательную урну, что позволило партии Народный конгресс Уганды, возглавлявшейся Оботе, залить кислотой урны Демократической партии; иногда переклеивали ярлыки с полных урн на пустые, или же кто-нибудь кидал дополнительные недействительные бюллетени в нужную избирательную урну, или же подсчет голосов проводился не сразу после голосования, а только после того, как урны доставляли в окружные центры, что позволяло фальсифицировать результаты голосования и т.д. Весь процесс был полностью дискредитирован.

К 1966 году Оботе "аннулировал" даже этот нетранспарентный процесс. Следующие выборы в нашей стране должны были состояться в 1967 году. Выборы были отложены из-за исключительной ситуации в стране и т.д. В результате этого народ Уганды не был на избирательном участке в течение еще 18 лет (с 1962 по 1980 год). В 1980 году, вместо того, чтобы научиться на ошибках 1966 года, Оботе стал строить новые козни. Оботе и Муванга отказались внести поправки в Закон о выборах. Нетранспарентность и несправедливость выборов

1962 года вновь повторились, и мы опять вернулись к тому, с чего начали. Как можно было избежать конфликта в такой ситуации?

И наконец, в каждой стране и в регионе должны быть созданы механизмы урегулирования конфликта. В пределах каждой страны всем гражданам необходимо привить культуру заботы о безопасности, дабы все верили в органы безопасности, и, где это необходимо, культуру причастности к осуществлению функций власти. В Уганде мы прекратили колониальную практику набора в армию людей только из определенных районов. Мы распределили по округам, а не по этническим группам, квоты призыва на военную службу. Армия, которую раньше считали сектантской, сейчас рассматривается как общенациональная сила. Кроме того, с 1986 года мы осуществляем политическое руководство на широкой основе.

В результате этого, хотя стоящие перед Угандой проблемы не ликвидированы, мы смогли поддерживать среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) на уровне 6 процентов в течение последних 11 лет. Уганда добилась бы еще более высоких результатов, если бы положение в области безопасности в регионе было лучше. Мы смогли исправить положение дел в важных отраслях нашей экономики и в наших социальных программах, несмотря на отсутствие безопасности, которое приобрело эндемический характер на наших границах с Суданом, Руандой, Конго и Кенией в различные периоды времени за последние 12 лет. Необходимо заключить региональный пакт, дабы отсутствие безопасности в одной стране не могло влиять на ее соседей. Кроме того, необходимо создать региональный механизм для предотвращения узурпации суверенитета народов Восточной и Центральной Африки деспотическими режимами. Если, например, Оботе помешали бы отменить Конституцию 1966 года или если бы в 1971 году удалось подавить государственный переворот, организованный Амином, народ Уганды не проливал бы столько крови, а ее экономика была бы спасена.

С учетом упомянутых выше четырех факторов, необходимых для урегулирования конфликтов в большинстве ситуаций, мы должны понимать, что в районе Великих озер есть и некоторые другие факторы. Нельзя говорить об урегулировании конфликтов в районе Великих озер, особенно в Руанде и Бурунди, не упоминая вопроса о безнаказанности. Первые массовые расправы произошли в 1959 году под наблюдением бельгийцев. Международное сообщество ничего не предприняло на этот счет. Поэтому реакционеры хуту начали думать, что из геноцида можно извлечь пользу. С другой стороны, возьмем реакционеров в Бурунди: после того, как руководство националистического движения было обезглавлено в результате убийства Рвагасоре и Нгендандумве, тутси начали считать, что, чтобы пережить геноцид, наподобие того, который имел место в Руанде, они должны предвосхитить планы хуту в отношении развязывания геноцида с помощью своего собственного геноцида. Именно такого рода перемещающиеся преступные махинации и привели к последующим конфликтам и катастрофам в Руанде и Бурунди. Поэтому, чтобы положить конец этому конфликту, любой человек, виновный в геноциде, особенно если он играл роль непосредственного организатора геноцида, должен понести наказание через повешение.

Те, кто говорят, что они уже не верят в смертную казнь, не должны забывать о том, что совершенные преступления относились к разряду особо тяжких преступлений. В этом вопросе нам поможет закон Моисея: "око за око, зуб за зуб". Если этого не делает Организация Объединенных Наций, если этого не делают правительства Руанды и Бурунди, то семьи жертв сами решат, какое будет отмщение. Поэтому мы говорим об упорядоченном наказании в отличие от анархического наказания; тем не менее, наказание должно иметь место. Что касается большинства людей, которые использовались для осуществления геноцида, то можно подумать о других мерах наказания. Мне хочется напомнить о традиционном методе урегулирования кровных распрей в Анколе, известном под названием "окукараба", которое предусматривало как выплату большой компенсации в виде домашнего скота, так и религиозную церемонию очищения.

Занимаясь урегулированием этого конфликта, мы должны помнить о том, что мы можем рассчитывать только на надежных людей, не запятнавших себя в мрачные периоды истории соответствующих стран. Наш опыт показывает, что полагаться на запятнавшего себя человека в целях урегулирования таких противоречивых проблем - это значит откладывать решение на неопределенный срок.

Я позволю себе в заключение повторить, что было бы неправильно смешивать все конфликты в одну кучу. Некоторые конфликты оправданы и носят принципиальный характер, а другие не могут быть оправданы и не зиждятся на принципах. Что касается принципиальных конфликтов, то я могу предположить две ситуации:

а) лишенное прав большинство, исчерпавшее все мирные средства, вынуждено взяться за оружие как самое последнее средство;

б) меньшинство, которому угрожает истреблением какая-либо другая сила, будь то большинство или что-то еще. Такая группа имеет полное право на самооборону даже с использованием оружия в целях обеспечения самовыживания.

Я хотел бы подытожить вышесказанное и отметить, что конфликты в доколониальную эпоху происходили в форме налетов с целью захвата скота и женщин; войн за наследство, когда не было механизма обеспечения гладкого перехода; конфликтов, являвшихся результатом миграции народов; конфликтов, вызванных работорговлей или первоначальным появлением европейцев; и, позднее, войн для оказания сопротивления колониализму. К концу колониальной эпохи велись войны за национальное освобождение; конфликты, являвшиеся результатом колониальных махинаций, как это было в Руанде и Бурунди; и войны против диктатур, которые имели место в Уганде, Конго, Эфиопии, Эритрее, Либерии и т.д.

Нынешний кризис в районе Великих озер

Как вы помните, в самом начале этого документа я указал на четыре фактора, лежащие в основе кризиса в районе Великих озер. Ими являются: геноцид в Руанде, Бурунди и Восточном Конго; внесудебные массовые убийства в Уганде, начатые Иди Амином и продолжавшиеся впоследствии; терроризм, поддерживаемый исламским режимом в Судане, который сейчас объединился с теми, кто совершает геноцид и массовые убийства; и отсутствие демократического правления и государственных структур для обеспечения такого правления (например, армии, судебной системы и т.д.).

В последующей части документа, в которой речь в основном пойдет о нашем участии за последние 30 лет, вы увидите, как эти четыре фактора, которые я обрисовал выше, переплелись друг с другом и вызвали то, что ныне известно как кризис в районе Великих озер.

Начиная с 1971 года Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) оказывал нам помощь в нашей борьбе против Иди Амина посредством тайной вербовки молодых юношей; мы отвозили их либо в Танзанию, либо в освобожденные районы Мозамбика для прохождения боевой подготовки.

В период с 1976 по 1978 год я, будучи членом Фронта за национальное освобождение Уганды (ФРОНАСА), отвечал за подготовку одной такой группы новобранцев в Монтепезе, Мозамбик. Когда эта конкретная группа собиралась в Найроби, один из моих товарищей, Кахинда Отафире, направил ко мне трех юношей из Уганды. Один из них, Фред Рвигиема (мир праху его), известный также под именем Гиза, был, как оказалось, руандийским беженцем,

семья которого находилась в Уганде с 1959 года среди той диаспоры, которая появилась вследствие первого бельгийского геноцида в Руанде в 1959 году.

Эта конкретная группа, подготовкой которой я занимался в Монтепезе, провинция Кабу-Делгаду, Мозамбик, состояла из 28 бойцов. Нет необходимости говорить о нашей вечной признательности ФРЕЛИМО и покойному президенту Саморе Машелу.

Группа из Монтепеза помогла мне сформировать силы в составе 9000 бойцов (к апрелю 1979 года), которые вместе с нашими танзанийскими братьями (они выставили войска численностью 45 000 офицеров и солдат) выгнали Иди Амина и его преступную армию из Уганды.

После изгнания Амина Уганда на протяжении двух лет переживала переходный период политической сумятицы и, в конечном итоге, фальсифицированных выборов 1980 года. Мы как революционеры не могли согласиться с еще одним раундом подтасовки результатов выборов. Это символизировало провал конституционной системы правления, существовавшей в 60-е годы. Мы начали нашу вторую освободительную войну, на этот раз своими собственными силами, без какой-либо внешней поддержки, которая играла бы главенствующую роль, и этим она отличалась от первой войны против Амина.

Начав с 27 ружей, мы в конечном итоге создали силы в 20 000 ружей, главным образом захваченных у наших противников из режима Оботе. Вместе с тем мы получили небольшую помощь в объеме 900 винтовок от президента Ливии Муамара Каддафи. К концу 1985 года мы получили весьма существенный дар в 5000 винтовок от мвалиму Ньерере, как раз перед его выходом в отставку. К этому времени мы уже устранили те недоразумения, которые у нас имелись с мвалиму ранее.

К январю 1986 года Национальное движение сопротивления взяло государственную власть в Уганде в свои руки. За 16 лет, прошедших с момента захвата власти Иди Амином в 1971 году, 800 000 угандийцев стали жертвами внесудебных расправ.

Пополнив свои ряды за счет многочисленных сил безопасности из состава существовавших ранее армий, ополченцев и новобранцев, мы довели численность своих войск до 100 000 офицеров и солдат, с тем чтобы попытаться справиться с нестабильной ситуацией в нашем районе (Судан, Конго при Мобуту и т.д.).

В нашей новой армии помимо Фреда Рвигиемы, руандийского юноши, присоединившегося к нам в 1976 году (к этому времени он уже стал генерал-майором в нашей армии), было еще около 4000 офицеров и солдат руандийского происхождения: они либо были частью диаспоры, появившейся в 1959 году, либо принадлежали к числу еще более ранних иммигрантов, которые начали прибывать в Уганду с 1910 года, главным образом вследствие жесткого бельгийского правления или просто в поисках экономических возможностей. Помимо руандийцев из диаспоры и руандийцев с руандийскими культурными корнями, которые ассимилировались в Уганде, были и руандийцы с угандийскими культурными корнями (Нколе-Кига), которые оказались в Руанде в результате колониального раздела границ. Однако угандийцы с руандийскими культурными корнями не участвовали в боевых действиях, которые позднее велись в Руанде. Четыре тысячи солдат руандийского происхождения в составе Национальной армии сопротивления Уганды начали организовываться под руководством Фреда Рвигиемы. Они рассказали мне о своем намерении восстановить свои права в Руанде, которых они были лишены еще со времен геноцида 1959 года. Я оказал кое-какую скромную финансовую помощь этим руандийским солдатам, но с тем условием, что вначале они используют все политические и дипломатические средства, такие, как

обращение с петициями в Организацию Объединенных Наций, Организацию африканского единства, к соседним странам и т.д., прежде чем начинать вооруженную борьбу.

Однако в октябре 1990 года эти руандийские солдаты без предварительных консультаций все вместе снялись и вторглись в Руанду, когда я находился здесь, в Соединенных Штатах Америки, для участия в конференции Организации Объединенных Наций, посвященной Году ребенка. Я немедленно связался с покойным президентом Руанды Хабиариманой и предложил ему помощь в восстановлении мира в Руанде при условии, что он также согласится начать диалог с руандийцами из диаспоры с целью достижения национального согласия в отношении ликвидации последствий геноцида 1959 года.

Были предприняты многочисленные попытки наладить диалог между покойным президентом Хабиариманой и руандийцами из диаспоры в Мванзе, Аруше, Кьянике и других местах, однако политической воли к урегулированию этой проблемы проявлено не было. Война продолжалась. Уганда, которая оказалась перед совершившимся фактом, поскольку наши руандийские братья вторглись в Руанду без консультаций с нами, решила действовать по двум путям:

1. Предоставить материальную помощь Руандийскому патриотическому фронту (РПФ), дабы он не потерпел поражения, поскольку это оказало бы пагубное воздействие на народ Руанды и не благоприятствовало бы стабильности в Уганде.
2. Поощрять диалог между президентом Хабиариманой и руандийцами из диаспоры.

К сожалению, хотя соглашение и было подписано в Аруше, оно не было выполнено. Боевые действия продолжались вплоть до гибели президента Хабиариманы, развала правительства Хабиариманы и геноцида, приведшего к гибели почти одного миллиона человек.

После поражения экстремистски настроенных реакционеров, примерно один миллион руандийцев бежали в Гому в Заире (сейчас - Конго). Вместе с ними ушла вся бывшая армия Руанды (Руандийские вооруженные силы - РВС) и преступные боевики хуту, известные как ополчение "интерахамве", которые убивали людей в Руанде. Покойный президент Мобуту Сесе Секо решил, вопреки постановлениям Организации Объединенных Наций, оставить этих преступников прямо на границе, тем самым создав постоянную угрозу для населения Руанды. Уганда и Руанда призывали - увы, безуспешно - отделить вооруженные элементы от некомбатантов. Это создало основу для тех событий, о которых я расскажу позже и которые связаны с Конго - Киншасой, которое в то время еще было Заиром.

Однако позвольте мне вернуться немного назад и рассказать о моих связях с Его Превосходительством Лораном Кабиллой. Вскоре после нашей победы в 1986 году г-н Кабила приехал в Энтеббе, чтобы увидеться со мной. Это была моя первая встреча с ним. Он приехал из Танзании, где он, по-видимому, тогда жил. Находясь в Танзании в период борьбы против Амина, я слышал о г-не Кабиле, который создал несколько баз в горах на востоке Конго, вокруг Калеме, но тогда я с ним так и не встретился. Ко мне его направил покойный мвалиму Джулиус Ньерере. Г-н Кабила хотел, чтобы я снабдил его оружием для борьбы против Мобуту.

Я сказал, что Уганда не позволит ему начинать операции на угандийско-конголезской границе с учетом тех предубеждений, которые существовали в регионе из-за того, что мы пришли к власти в результате длительной народной борьбы. Руководители некоторых стран полагали, что мы подавали плохой пример и что мы будем как-то влиять на их собственные народы. Так или иначе, в то время покойный президент Мобуту еще не дал нам повода начать против него боевые

действия. Верно то, что он чудовищно управлял Конго, но решать внутренние проблемы других стран не было нашей задачей. Кроме того, мы не хотели усиливать те предубеждения, которые имелись против нас у более старых политических лидеров Африки. Поэтому я дал Кабиле лишь небольшую денежную сумму, чтобы помочь в политической мобилизации.

Однако, когда Руандийский патриотический фронт (РПФ) захватил власть в Кигали в 1994 году, г-н Кабила вернулся в Уганду. К этому времени на руандийской границе с Конго возникла угроза со стороны "интерахамве". Поэтому я посоветовал г-ну Кабиле сотрудничать с руандийцами, поскольку они испытывали более сильную вражду к президенту Мобуту, чем мы, несмотря на то, что к тому времени Мобуту активно сотрудничал с суданцами против нас.

Еще одним конголезцем, поддерживавшим со мной контакты, был Киссассе Нганду (ныне покойный), которого я также отослал к нашим руандийским братьям. Мои помощники направили как г-на Кабилу, так и г-на Киссассе к вице-президенту Руанды генерал-майору Кагаме. По-видимому, генерал-майор Кагаме поручил этим двум людям собрать силы из числа заирцев (конголезцев), которые пройдут подготовку под руководством руандийцев и составят резервные войска на тот случай, если президент Мобуту натравит уголовников из "интерахамве" на народ Руанды с целью совершения еще одного раунда геноцида.

Согласно более поздней информации, г-н Кабила и г-н Киссассе не сумели набрать необходимый личный состав. Когда позднее я встретился с генерал-майором Кагаме, он рассказал мне о своих разочарованиях. Тогда у меня появилась идея. Еще до этого я слышал о том, что ополченцы "интерахамве" и преступные банды президента Мобуту изгнали 40 000 тутси из народности масиси с земель их предков в конголезской провинции Киву и что эти тутси бежали в Руанду.

Тогда я предложил генерал-майору Кагаме набрать примерно 1200 солдат из народности масиси, обучить их и держать их как резервную силу в составе Руандийской патриотической армии. Эта идея понравилась генерал-майору Кагаме. Я сам впоследствии забыл о ней, но вице-президент Кагаме реализовал ее на практике.

Тем временем тупик в отношениях между преступниками из "интерахамве" и народными массами, которые они заставили бежать через границу, не только сохранялся, но и обострялся. Совершив геноцид против ни в чем не повинных людей в Руанде, "интерахамве" теперь хотели сделать то же самое в конголезской провинции Киву при активной поддержке со стороны администрации Мобуту. Как я указывал выше, они уже изгнали с родных мест тутси из племени масиси. Теперь они решили взяться за другую народность, известную под названием баньямуленге, вокруг Увиры. Это происходило примерно в августе 1996 года. Во время нашей следующей встречи генерал-майор Кагаме информировал меня о том, что он действительно обучил отряд в составе 2000 человек, а не 1200, о которых мы говорили раньше. Сейчас он хотел узнать мое мнение в отношении того, как использовать их с учетом всего того хаоса, который царил в районе Великих озер.

Тогда я предложил вице-президенту Кагаме, что нам было бы лучше связаться по этому вопросу с мвалиму Ньерере (мир праху его), с тем чтобы не допустить той изоляции, с которой мы столкнулись со стороны других африканских стран во время руандийского конфликта. Вице-президент Кагаме согласился со мной, и я, соответственно, связался с покойным мвалиму Ньерере и проинформировал его о существовании сил численностью 2000 человек и об угрозе, нависшей над баньямуленге. Он уведомил меня о том, что он пригласит послов стран - членов Европейского союза, с тем чтобы заручиться их поддержкой. Он надлежащим образом связался с ними, но, хотя они, разумеется, должны были направить донесения в свои столицы, на этом

дело и закончилось, поскольку опасность геноцида в отношении баньямуленге сохранялась. Именно на этом этапе наши руандийские братья решили направить силы в составе 2000 человек для защиты баньямуленге и - на более позднем этапе - для оказания содействия в ликвидации лагерей преступников в районах Букаву и Гомы. По-видимому, они завербовали еще 2000 бойцов из числа тутси из племени баньямуленге, других конголезцев с руандийскими культурными корнями и других конголезских племен. Об этом могут лучше рассказать сами руандийцы.

Однако, как мне рассказывали руандийцы, именно эти силы в составе 4000 человек защищали горы Муленге и освободили Увиру, Букаву и Гому. После взятия этих городов руандийцы информировали меня о том, что они сейчас объединили четыре группы конголезцев: примерно 4000 конголезских бойцов с руандийскими культурными корнями, г-на Кабилу, г-на Киссассе и еще одного господина из племени баши, известного под именем Масасу (находился в тюрьме). Вот почему для обозначения их организации стали использовать слово "Альянс": это был альянс четырех групп. На данном этапе благодаря своим братским контактам ряд африканских стран, а именно Зимбабве, Эфиопия, Эритрея, Замбия и Уганда, стали оказывать материальную поддержку. Ангола направила даже войска, а Танзания впоследствии предоставила "Альянсу" инструкторов.

Поскольку для многих иностранных кругов Конго всегда была излюбленным местом для получения прибылей, по мере продолжения борьбы оказывалось огромное давление с целью повлиять на ход развития событий. Мы делали все возможное для того, чтобы побудить африканскую общественность к действию. Я помню, что в первые дни конфликта я рассказал их превосходительствам Манделе, Мугабе и Чиссано в Южной Африке о сложившейся в Конго ситуации, о которой они знали очень мало. Прогрессивную африканскую общественность удалось пробудить. В частности, я знал, что очень большое значение имеет позиция Его Превосходительства Манделы. Главной опасностью для конголезского освободительного движения еще со времен Лумумбы было антидемократическое вмешательство извне.

В последнее время некоторые европейские круги взяли на себя ведущую роль в усилиях, направленных на срыв чаяний народов. Для меня было ясно, что было всего четыре фактора, сдерживающих такое негативное вмешательство европейцев:

- a) они опасались длительной народной борьбы, по типу Вьетнама, если конголезцы сумеют организовать ее; однако один раз, в период конголезской войны 1964-1966 годов, конголезцы уже не сумели сделать этого, несмотря на широкую солидарность со стороны Африки и коммунистического блока;
- b) они будут действовать осмотрительно с учетом американских пожеланий, а в данном случае американцы хотели, чтобы Мобуту ушел, но они желали видеть не г-на Кабилу, а какую-то третью силу;
- c) в некоторой степени они опасались явной непопулярности Мобуту. Однако популярность или непопулярность режима Мобуту никогда не была главным фактором в Конго еще со времен Лумумбы: Лумумба был весьма популярным политиком, но его безнаказанно свергли, а затем - убили;
- d) эти внешние силы опасались выступать против Южной Африки, поскольку Южная Африка располагала весьма современными видами оружия; эти европейские круги знали, что если африканские борцы за свободу получат это оружие и если прогрессивная Африка будет единой, то поле боя будет как никогда равным, а в прошлом оно таким никогда не было.

Я поделился всеми этими соображениями с товарищами, которых это касалось, включая Его Превосходительство Кабилу и Его Превосходительство Кагаме. Поэтому я был весьма удивлен, когда Его Превосходительство Кабила отказался прибыть на корабль Его Превосходительства Манделы в Атлантическом океане, ссылаясь на соображения безопасности. Это меня встревожило, и я пригласил его в Уганду. Мы в течение нескольких часов обсуждали только этот вопрос, а затем расстались. К моему изумлению, он отказался приехать второй раз.

К счастью, события развивались весьма быстро. После того, как баньямуленге при помощи руандийской армии захватили Гому, Букаву и Увиру, началась массовая вербовка бойцов из других конголезских племен. Одновременно с их подготовкой продолжались и боевые действия, которые вели в основном руандийские войска и баньямуленге под командованием молодого офицера по имени Джеймс Кабариви из Руандийской патриотической армии (РПА). По-видимому, этот молодой офицер был завербован и обучен в Уганде танзанийскими инструкторами, которые помогали нам в Джиндже. С течением времени все больше и больше конголезских бойцов из других племен, помимо баньямуленге, пройдя боевую подготовку, начали участвовать в боях. Однако меня тревожило непосредственное участие руандийских войск в боевых действиях. Я предпочитал, чтобы их роль сводилась только к обучению. В один момент мне почти удалось уговорить Его Превосходительство Кагаме вывести их. Однако Его Превосходительство Кабила воспротивился этому, что мне не понравилось, поскольку, если взять даже наш собственный опыт, в 1978/79 году я не поддерживал участия танзанийских войск в боевых действиях в Уганде, помимо нанесения ответного удара после вторжения Амина в районе Кагерского выступа. Я хотел, чтобы воевали мы сами. Когда мы поддерживали РПФ, мы никогда не позволяли нашим войскам непосредственно участвовать в боевых действиях, за исключением ограниченных ответных ударов против армии Хабиариманы, которая вела беспорядочные обстрелы мирных деревень и сел. Такую позицию мы занимали и в отношении Судана, за исключением периода в марте-апреле 1997 года, когда мы были вынуждены предпринять решительные действия против суданской армии из-за преступных террористических нападений на гражданское население на севере Уганды, к западу от Нила, а также в горах Рувензори, куда они проникали через территорию Конго при Мобуту. Мы также уничтожили подразделения суданской армии на западе Экваториальной провинции, поскольку они непосредственно угрожали руандийским войскам в Конго и конголезским борцам за свободу со своих баз в Кааие, Баази, Моробо и других местах. Но, опять же, эти действия носили ограниченный характер; они не имели целью привести к власти в Судане д-ра Гаранга.

Я опасался двух ситуаций, которые могут возникнуть в результате использования иностранных войск, даже из братских стран:

а) Это искусственным образом искажает результаты конфликтов; возникают искусственные "победители" и "проигравшие"; таким образом, политические проблемы остаются нерешенными, поскольку "победители" искусственно одерживают "победу", а "проигравшие" искусственно "терпят поражение". Это, однако, можно компенсировать, если искусственные "победители" привлекут все законные политические силы, с тем чтобы сообща строить планы на будущее. Однако, если сценарий "искусственных победителей" объединить с политической изоляцией, создаются условия для будущих политических проблем. Более того, когда кто-то рассчитывает прежде всего на внешнюю поддержку, он забывает о внутренней политической интеграции. Он забывает о необходимости внутреннего компромисса, поскольку он рассчитывает на то, что внешняя поддержка прикроет внутренние трещины.

б) Внутренние освободительные силы не наращивают своего потенциала. Однако мое мнение не получило поддержки, особенно со стороны Его Превосходительства Кабилы. Кстати, в

этом заключалось одно из главных разногласий между Оботе и мной во время борьбы против Амина.

Кроме того, насколько я мог понять, отсутствие надлежащих структур и отсутствие широкой представленности в "Альянсе" стало вызывать тревогу. Поскольку речь шла о довольно большой войне, в которой участвовали войска из стран региона, я считал, что следовало организовать национальную конференцию всех выступавших против Мобуту политических сил, с тем чтобы она стала наивысшим органом, который избрал бы будущее правительство Конго, вместо того чтобы оставлять этот вопрос на усмотрение "Альянса", чьи внутренние механизмы принятия решений были нам неизвестны. Я опасался того, что вину за любые будущие осложнения в Конго станут возлагать на руководителей стран региона, которые, вне всяких сомнений, быстро и решительно склонили баланс сил в пользу Его Превосходительства Кабилы и "Альянса".

Поэтому как раз перед падением Киншасы я предложил Его Превосходительству Бизимунгу, Его Превосходительству Мкапе, мвалиму Ньерере и Его Превосходительству Кагаме идею проведения национальной конференции всех выступавших против Мобуту политических сил. Большинство из них, однако, полагали, что эта идея "несколько запоздала" и что нам следует быть "ближе" к Его Превосходительству Кабиле, "советуя" ему и т.д. Меня, однако, не интересовала роль "советника" Его Превосходительства Кабилы, поскольку несколько раз, когда я пытался "советовать" ему, он, как мне казалось, обижался на мои советы. Он лишь "советовал" мне вмешаться во внутренние дела Конго на его стороне, хотя я предпочитал не делать этого; вместе с тем он отверг "пять советов", которые я дал ему, как "вмешательство в его внутренние дела".

После этого вмешательство Уганды в Конго заключалось лишь в направлении полицейской учебной группы для обучения конголезцев действиям по борьбе с беспорядками после принятия соответствующего решения за завтраком в Хараре.

Мои опасения довольно быстро оправдались. К маю 1997 года руандийцы и мобилизованные ими конголезцы одержали победу над Мобуту. Однако к 1998 году из Конго стал доноситься ропот насчет того, что Кабила ничем не отличается от Мобуту. Я поделился своими опасениями с африканскими руководителями, с которыми я встретился на семинаре в Намибии в июле 1998 года. Однако ко 2 августа по всей Конго начались мятежи. Конголезский кризис вспыхнул вновь.

Те изначальные причины, по которым мы поддерживали Кабилу против Мобуту, так и не были устранены: осуществившие геноцид "интерахамве", террористы, поддерживаемые Суданом и проникавшие через Конго, и угроза геноцида над определенными частями конголезского населения на востоке Конго. Подотчетное правительство в Конго было бы также фактором, способствующим стабильности, поскольку в отличие от правительства Мобуту такое правительство отвечало бы перед народом. Поэтому такое правительство нельзя было бы легко вовлечь в иностранные авантюры.

После новой вспышки боевых действий, уже в войсках самого Кабилы, и с учетом всех неразрешенных вопросов, которые создавали непосредственную угрозу для безопасности нашей страны и соседних стран и общин, мы решили в порядке предосторожности развернуть войска на востоке Конго, с тем чтобы суданцы не использовали этот район для того, чтобы производить разрушения в Уганде, как они это делали в ноябре 1996 года, когда мы разгромили крупные силы, направленные суданцами через Восточное Конго для захвата района Касесе в Уганде и использования его в качестве плацдарма для будущего суданско-конголезского вторжения в Уганду. Вскоре после этого суданцы и солдаты "Амина" вторглись в северную часть Конго. Благодаря нашему присутствию эти силы были разгромлены. Это не дало террористам, проникнувшим в

горы Рувензори в Уганде, возможности пополнить свои запасы. Эти террористы совершили бесчисленные злодеяния против народа Уганды, что можно увидеть из подборки газетных вырезок, которую я распространил среди уважаемых членов Совета Безопасности.

Помимо наших собственных интересов безопасности, мы не можем мириться с геноцидом в Руанде, Бурунди или на востоке Конго. По сути дела, это должно быть задачей Совета Безопасности. Однако, когда речь заходит об Африке, Организация Объединенных Наций никогда не оказывается на высоте положения. Если страны региона не примут мер тогда, когда они могут это сделать, в нашем регионе вновь произойдут необратимые трагические события. С этим мы не можем смириться. Кое-кто опошляет концепцию суверенитета. Кое для кого суверенитет также означает право истребить часть своего собственного народа, поскольку это - "наши" люди. Люди не принадлежат руководителям! Они принадлежат своим семьям, своим странам и Господу Богу. Любой режим, занимающийся истреблением части своего населения, утрачивает легитимность. Я - угандиец, но я сотрудничал с танзанийскими войсками, с тем чтобы избавиться от Иди Амина. Вы помните, что в то время были люди, шумевшие насчет того, что, сражаясь против преступного режима Иди Амина, мы нарушали "суверенитет" Уганды. Как мог Амин олицетворять суверенитет Уганды? Суверенитет Уганды уже давно был узурпирован диктаторами в ущерб угандийскому народу. Избавившись от Иди Амина и воспользовавшись для этого танзанийскими войсками, народ Уганды наконец-то восстановил свой суверенитет.

Что касается конкретной ситуации в Конго, то здесь есть четыре вопроса: роспуск совершивших геноцид сил из Руанды и Бурунди; уничтожение террористов, поддерживаемых Суданом и использующих конголезскую территорию; прекращение уже начатого геноцида на востоке Конго; и, если это возможно, создание подотчетного правительства в Конго. Я говорю "если это возможно", поскольку демократизация Конго не является нашей задачей. Однако демократические соседние страны всегда содействуют миру в регионе.
